

ІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94(476):271.2

Н.Н. ГОНЧАРОВ

ПРАВОСЛАВНО-РУССКИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ МОНАРХИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРО- ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1865–1906 гг.)

В публикации аргументируется современное концептуальное видение институционализации монархического движения в Северо-Западном крае Российской империи. Монархическое движение дифференцировалось по направлениям общественной жизни на православно-русский духовный, политический и социальный монархизм. Во второй половине XIX – начале XX в. наблюдались тенденции перманентной монархической радикализации и интеграции праворадикалов в социальную систему Северо-Западного края, являвшуюся элементом общественной сверхсистемы Российской империи.

Введение

Вопрос о роли общечеловеческих ценностей в общественной жизни является ключевым в современной дифференциации народов на “переводные” и “отстающие”. Духовные идеалы христианской системы ценностей, очищенные от религиозных символов научно-рациональным мировоззрением, заложены в гуманистическую основу Всеобщей декларации прав человека 1948 г., сконцентрировавшей в себе общечеловеческие ценности нашей эпохи, основным защитником которых позиционирует себя современная интеллектуальная элита западных стран XXI в. По своему нравственному содержанию идентичные общечеловеческим ценностям христианские идеалы в историческом прошлом во многом оказывали определяющее влияние на процессы в общественном сознании восточнославянских народов, что в полной мере проявилось в становлении и развитии общественных движений на территории Северо-Западного края Российской империи второй половины XIX – начала XX в.

Материалы публикуются с целью раскрыть православно-русские конфессионально-этнические предпосылки формирования монархического движения на территории северо-западных губерний Российской империи. Во второй половине XIX в., начиная с 1865 г. создаются первые западнорусские православно-монархические организации. В начале XX в. заложенная в основу идеологии российского монархизма православно-христианская система ценностей выполнила функцию стабилизации мо-

нархического движения, отраженную в программных документах Союза русского народа 1906 г.

В проведённом исследовании автор опирается на работы предшественников, в частности, на достижения советской историографии. Представителем советской академической науки Н.А. Смирновым раскрыт монархизм православных братств, начиная с их возрождения в Российской империи, с 1864 г. [1, с. 279-297]. Е.Ф. Грекулов и М.М. Персиц конкретизировали влияние восстания 1863–1864 гг. на рост православно-монархических настроений в реакционно-консервативной среде [1, с. 227-244]. В отечественной историографии доктор исторических наук М.С. Корзун раскрыл законодательную основу монархического диктата в православной церкви в Российской империи [2]. Первоисточники позволили раскрыть фактическую сторону вопроса становления православно-русского духовного монархизма в Северо-Западном крае Российской империи [3, 4, 5-9, 10].

По авторскому определению монархическое движение представляло собой духовное, политическое и социальное явление общественной жизни Северо-Западного края, как и Российской империи в целом. Следует акцентировать внимание на возможности синтеза тенденций *перманентной радикализации* ультраправых организаций и *интеграции* праворадикалов в модернизированную социальную и политическую систему путем трансформации политической энергии правого радикализма (*интеллектуального и физического потенциала* черносотенцев) в конструктивную социальную активность посредством православных и общехристианских ценностей, отражающих объективную силу исторических закономерностей общественного развития. В этом заключается возможность практического применения результатов исследования современными идеологическими центрами Республики Беларусь. Информация в статье датируется по старому стилю.

Основная часть

Организации западнорусской ветви российского монархизма развивались в русле двух основных тенденций: волнообразной *перманентной радикализации* и *интеграции* крайних монархистов в модернизированную политическую и социальную систему, претерпевшую значительные трансформации в результате прогрессивных реформ второй половины XIX – начала XX в. Политическое направление монархического движения в основном носило агрессивный характер. Становление и развитие западнорусских организаций духовного монархизма направлялось объективной силой православно-христианских ценностей, нивелировавшими политические крайности и стабилизовавшими монархическое движение, что создавало предпосылки для интеграции реакционеров и крайних консерваторов из радикальных монархических рядов в общественную жизнь многоэтничного и поликонфессионального Северо-Западного края.

Во второй половине XIX в. реформы Александра II, раскрепостившие инициативу подданных Российской империи, привели к пробуждению политического сознания как революционно-демократических кругов прогрессивной общественности, так и реакционно-монархических группировок [11, с. 127, 129]. В результате восстания 1863–1864 гг. в регионе, охваченном вооружёнными столкновениями, накалилась этнополитическая обстановка. Политическая активизация православно-русского духовенства содействовала усилению монархических настроений в реакционно-консервативной среде. Как отмечали Е.Ф. Грекулов и М.М. Персиц: *“Церковь и духовенство решительно встали на защиту... самодержавия во время национально-освободительного восстания в губерниях Царства Польского, Литве и Белоруссии в 1863 г. Одобрив назначение усмирителем восстания генерала М.Н. Муравьёва, московский митрополит Филарет направил ему икону архистратига Михаила с своим благословением... Духовенство принимало широкое участие в организации и рассылке верноподданнических адресов от имени крестьян с благодарностью за их... освобождение от польских помещиков”* [1, с. 238]. Пропаганде монархической идеи способствовал православный традиционализм патриархальных слоёв “русского” населения, воспринимавших монархию в качестве оплота веры.

В середине 1860-х гг. западнорусская монархическая общественность формирует православно-монархические организации, получившие официальный статус “братств”. По утверждению Н.А. Смирнова: *“В XIX в., в связи с восстаниями, охватившими не только губернии Царства Польского, но частично Белоруссию и Украину, православные братства возродились в качестве оплота царизма. В 1864 г. были опубликованы основные правила для этих братств, которые должны были стать очагами пропаганды воинствующего православия и любви к царю”* [1, с. 291].

Первыми центрами формировавшейся западнорусской ветви российского монархизма стали важные в географическом и культурном отношении города Минск и Вильно, в которых возникают в 1865 г. соответственно Свято-Николаевское и Свято-Духовское братства. Еще в проекте создания предполагалось их противопоставление польско-католическому “засилью”. Архиепископ Минский Антоний (Зубко) в записке “О миссионерских братствах для распространения православия и русской народности в Северо-Западном крае”, направленной графу М. Муравьёву в конце 1864 г., прямо указывал на их цели: *“Ваше Высокопревосходительство, Милостивейший Государь! Давно у нас в Минске в брожении мысль о составлении миссионерско-патриотического братства для распространения у нас православия и русской народности... Для объединения всех русских сил здешней интеллигенции, для возбуждения в них энергии и единомыслия нужно учредить в Минске, как центре русского населения, под нашим управлением находящегося, патриотическое миссионерское общество, о котором по натиску общественного мнения писал к Вашему Высокопревосходительству Преосвященный Михаил.*

Общество это, чтобы не тревожить преждевременно ксёндзов и примениться к закону, назвать можно религиозным братством, или прямо *братством*. Девиз его: распространение убеждения о потребности единой державы и православия, на которых держится единство и крепость России” [4, с. 3-5, 10].

А. Миловидов, деятель Виленского Свято-Духовского братства, историк конца XIX – начала XX в., раскрыл значение отмеченной выше инициативы: “...В этом случае Антоний Зубко был выразителем русского общественного мнения не только Минска, но и Вильны... Проект организации западнорусского патриотического общества был близок к осуществлению, но не одобренный свыше дал толчок к восстановлению Виленского Свято-Духовского братства” [4, с. 4]. В становлении православно-русского духовного монархизма консолидирующую функцию выполнили реакционно-консервативные круги западнорусской общности и представители официальных институтов Российской православной церкви [12, с. 5, 6, 12, 17].

М. Муравьёв вскоре после подачи ему этого проекта создания “западнорусского патриотического общества” оставил Северо-Западный край. В 1865 г., несмотря на препятствия со стороны петербургских чиновников, при приемнике М. Муравьёва виленском генерал-губернаторе, генерал-адъютанте, фон-Кауфмане в городах Минске и Вильно всё-таки возникают Свято-Николаевское и Свято-Духовское православные братские организации. Своевременность создания “миссионерско-патриотических обществ” и одновременно разочарование в “иноверческом правительстве” выразил Михаил, архиепископ Минский и Бобруйский в утвержденном им уставе Минского Свято-Николаевского братства 17 апреля 1865 г. [6, с. 18; 12, с. 12, 15, 26].

Православно-монархическая направленность созданных церковно-общественных организаций, включавших в свой состав представителей разных сословий, проявилась в проводимых культурно-просветительских мероприятиях и агитационно-пропагандистских материалах. Минское Свято-Николаевское братство было пассивным. Наиболее масштабной и результативной была “миссионерско-патриотическая” активность Виленского Свято-Духовского братства, распространявшего в соответствии с уставом свою деятельность на всю территорию Северо-Западного края. По уставу, утвержденному в августе 1865 г. митрополитом Литовским Иосифом и виленским генерал-губернатором, генерал-адъютантом, фон-Кауфманом, к “предметам занятий” Свято-Духовского братства относилась забота “о покровительстве... лицам, кои своею деятельностью оказали услуги Православному Русскому делу в Крае” [13, с. 27-28]. В 1868–1869 гг. “Государь Наследник Цесаревич”, будущий император Александр III, ознакомившись “о цели, средствах, направлении и деятельности Св.-Духовского братства, благоволил принять на себя звание почётного члена братства” [2, с. 36].

Необходимо отметить, в соответствии с созданным в 1832 г. Сводом законов Российской империи (1-й том Свода, раздел “Основные законы”, статья 42) самодержавие официально объявлялось оплотом русского православия: “Император яко христианский государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния”. В примечании к этой статье особо отмечалось: “В сем смысле император в Акте о наследии престола 1797 г. апр. 5 именуется главою Церкви” [2, с. 138-139; 14, с. 121]. В новых Основных законах Российской империи, принятых 23 апреля 1906 г., главенство императора над православной церковью с прежней формулировкой фиксировалось в 64 статье [14, с. 137].

Первая масштабная кодификация законов Российской империи с указанием главенства монарха над православной церковью была осуществлена в годы правления императора Николая I, при котором министр просвещения С. Уваров сформулировал основные направления внутренней политики монархического государства в знаменитой триаде “Самодержавие. Православие. Народность”. К началу XX в. традиционный русский идеал “Православие” занял первенствующее место в монархическом кредо: “Православие. Самодержавие. Народность”.

С 18 марта 1895 г. значительно повышается статус Виленского Свято-Духовского братства: за высокие заслуги перед русским православием и империей эта организация берётся под особое покровительство императором Николаем II, что было отражено в названии организации: “Состоящее под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленское Православное Свято-Духовское братство” [7, с. 3]. Таким образом, к 1895 г. формируется православно-русское духовное направление монархического движения в северо-западной части России. Виленское Свято-Духовское братство, активизировавшееся в масштабах всего Северо-Западного края, становится первой организацией, представлявшей институционально оформившееся духовное направление западно-русской ветви российского монархизма.

Для представителей духовного монархизма в общественной жизни важен был не путь насилия, а диалог различных слоёв населения, что достигалось в просветительской и благотворительной деятельности на благо русской веры и народности под эгидой самодержавия. В “христианском духе” архиепископ Минский Антоний (Зубко) особо отмечал в записке “О миссионерских братствах для распространения православия и русской народности в Северо-Западном крае” методы работы “миссионерско-патриотической” организации: “Братство должно действовать не официальным предписанием, но нравственным убеждением” [4, с. 10]. Политические крайности на этапе первой масштабной волны монархического радикализма середины 1860-х гг. проявились в имевшей успех попытке реакционеров объединить политику и религию, и только благодаря стабилизирующей функции духовной основы православного христианства “гремучая смесь” политических крайностей и религиозного фа-

натизма не спровоцировала новый виток конфессионально-этнических конфликтов.

Церковно-общественные организации духовного монархизма выполняли значимую функцию консолидации на православной русской конфессионально-этнической основе представителей различных направлений западнорусской ветви российского монархизма. *Социальный монархизм был представлен* как организациями (культурно-просветительскими, благотворительными, социально-экономическими, сословными), распространенными в Российской империи, так и *обществами, формирование и деятельность которых было вызвано конфессионально-этническими локальными особенностями Северо-Западного края*. В частности, в 1869 г. в Вильно возникает Общество ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае, состоявшее с 1872 г. под «Высочайшим покровительством Её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Александровны». *В отчете общества за 1872 г. акцентировалось внимание на локальной особенности «нужд православия и русской народности в Северо-Западном крае», а также на сочувствии и «поддержке великорусского общества»* [8, с. 20].

В 1872 г. в организации состояло 176 членов. Среди них – статский советник Ф. Лешко, генерал-майор П. Пахомов, полковники П. Салтыков, П. Смыслов, протоиерей Н. Дмитриевский, священник И. Берман, почётный член – директор Департамента общих дел МВД тайный советник Мансуров. Председательствующим был Преосвященный Иосиф епископ Ковенский, викарий Литовской епархии. В политическом институте самодержавия и в царствовавшей династии члены общества видели опору православия и русской народности на территории Северо-Западного края [8, с. 4, 6-7]. Во второй половине XIX в. в деятельности Общества ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае институционально проявилась связь епархиальных центров с благотворительным движением под эгидой самодержавия. Православно-русская система ценностей придавала развитию организаций социального монархизма соответствующее конфессионально-этническое направление с ориентацией на монархические идеалы.

На этапе второй масштабной волны монархической радикализации, в годы первой российской революции, когда оформилось направление *политического монархизма* и легализовались правые партии, отдельные православные священнослужители, представлявшие официальные институты церкви, заняли радикальную монархическую позицию, демонстрируя *черносотенные убеждения*. Благочинный священник о. Феодор Вечорко в память о скоропостижно скончавшемся 27 января 1908 г. «на 64-м году жизни и 39-м году священства» члене Благочиннического совета 1-го округа Слуцкого уезда священнике слущкой Островской Свято-Михайловской церкви о. Василие Мацкевиче, состоявшем в Слуцком Свято-Преображенском братстве во имя Святого Животворящего Креста Господня, отмечал: *«Будучи по своим политическим убеждениям ис-*

кренним патриотом – черносотенцем, в настоящее тяжёлое время для Русского Государства о. Василий... убеждал... благо Родины... крепнет на незыблемом чистом православии, неограниченном Русском самодержавии и сохранении христианской русской народности” [15, с. 145]. Несмотря на радикализм речей, священнослужители личным моральным авторитетом влияли на стабилизацию монархического движения, трансформируя политические крайности черносотенцев в конструктивную социальную активность.

В начале XX в. общественно-политический опыт православно-русского духовенства проявился в сдерживании экстремизма черносотенцев, в нейтрализации наметившейся тенденции десоциализации праворадикальной личности, отрицавшей общепринятые нормы морали и права в массовых акциях насилия. Епископ Могилёвский и Мстиславский Стефан в опубликованном обращении (в “Могилёвских епархиальных ведомостях” за № 17 1905 г. и отдельной брошюрой), приуроченном к изданию Манифеста 6 августа 1905 г., призывал бороться с “изменниками” исключительно законными способами [10, с. 3, 4]. Впоследствии епископ Стефан стал одним из лидеров черной сотни, избирался почетным председателем на Московском съезде монархистов (27 сентября – 4 октября 1909 г.) [9, с. 463].

Официальные идеологические установки на общехристианские ценности были действенными и по мере возможности реализовывались практически на местах. В Орше 21 – 24 октября 1905 г. настоятель оршанского собора с определенным риском для себя активно пытался предотвратить еврейский погром [3, с. 5, 22]. Православно-русское духовенство выступило с осуждением белостокского погрома (1–3 июня 1906 г.). В Белостоке соборный священник о. Михаил Пешковский, священник Котович и учитель церковно-приходской школы (сын священника) Котович стремились умиротворить народ и остановить нарастающую радикализацию населения. С этой целью о. Михаил Пешковский принял активное участие в экстренном заседании городской думы Белостока 6 июня 1906 г. [5, л. 291, 324 (об.)].

К погромным инцидентам в Орше и Белостоке документально подтверждённое опосредованное отношение имели лица, вступившие в местные отделы Союза русских людей [3, с. 75; 5, л. 731 (об.)]. Погромное движение представляло собой не только социальный и политический феномен, но и своеобразный конфликт в области духовной культуры различных конфессионально-этнических групп населения [16, с. 15]. По этой причине в общественной жизни оказалась востребованной стабилизирующая функция православно-христианской системы ценностей.

В период интенсивных погромных акций, с 1903 до 1906 г. на белорусских территориях произошло не менее 50 инцидентов [17, с. 27]. Антиеврейское погромное движение грозило перерасти в тотальный погром неимущих слоёв населения против всех вышестоящих сословий. В борьбе с революционно-демократическим движением церковные иерархи де-

дали ставку не на экстремизм (грозящий социальным взрывом), но на монархическую информационно-кадровую революцию посредством представительных учреждений с информационной поддержкой печатных изданий правых партий и епархиальных центров. В целом, духовенство личным моральным авторитетом стабилизировало монархическое движение, направляя активность крайне правых в легитимное русло.

Стабилизирующую функцию христианских ценностей отметили сами черносотенцы в партийных программных документах. Именно аксиологического характера аргументация отказа от всероссийского погрома, способного спровоцировать социальный взрыв внутри страны, легла в основу программных положений Союза русского народа 1906 г.: “Русский народ, сознавая всё это и имея полную возможность... мог бы в течение одного дня подавить... и заставить их преклониться пред его волей, пред волей державного хозяина земли русской, но, руководясь высшими задачами христианского вероучения и слишком сознавая свою силу для того, чтобы отвечать им насилием, избрал другой путь для решения еврейского вопроса...” [9, с. 191]. В процессе социальной адаптации черносотенцев православно-христианские ценности стали значимым фактором легализации черносотенных группировок, ресоциализации праворадикальной личности (после погромных акций) и интеграции крайних монархистов в модернизированную (по положениям Манифеста 17 октября 1905 г.) политическую и социальную систему.

Заключение

Во второй половине XIX – начале XX в. монархизм представлял собой духовное, политическое и социальное явление общественной жизни Северо-Западного края, как и Российской империи в целом, и дифференцировался соответственно на православно-русское духовное, политическое и социальное направления, что отвечало основным векторам имперской внутренней политики, сформулированным в известной триаде “Православие. Самодержавие. Народность”.

К православно-русским конфессионально-этническим предпосылкам формирования монархического движения относятся: законодательно оформленное главенство самодержца над православной церковью в Российской империи, начиная с Акта о наследии престола от 5 апреля 1797 г. Павла I; монархическая позиция представителей православной иерархии; традиционализм патриархальных слоев православно-русского населения.

Организационные центры православно-русского духовного монархизма выполнили значимые функции по стабилизации черносотенного движения: придали духовный импульс легализации деятельности крайне правых; способствовали нейтрализации тенденции десоциализации праворадикальной личности, отрицавшей общепринятые нормы морали и права в массовых акциях насилия; содействовали ресоциализации личности черносотенца; консолидировали правых на православно-христианской

аксиологической основе и интегрировали крайних монархистов в социальную систему Северо-Западного края, являющуюся элементом общественной сверхсистемы Российской империи.

Универсальные христианские ценности повлияли на стабилизацию общественно-политической ситуации и предотвратили крайнюю радикализацию монархических объединений, угрожавшую социальным взрывом “справа” в Российской империи, что позволяет отметить приобщение белорусской нации (как и восточнославянских народов в целом) к общечеловеческим ценностям через православные и общехристианские идеалы ещё в период своего становления в начале XX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Церковь в истории России (IX–1917 г.) / под ред. д-ра ист. наук Н.А. Смирнова; АН СССР, Ин-т истории. – М. : Наука, 1967. – 336 с.
2. **Корзун, М.С.** Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X век – 1917 год. – Минск : Изд-во “Беларусь”, 1984. – 255 с.
3. Дело о погроме в Орше 21–24 октября 1905 года. – СПб. : Тип. Ш. Бусселя, 1908. – 80 с.
4. **Миловидов, А.И.** Из бумаг архиепископа Минского Антония Зубко / сост. А.И. Миловидов. – Минск : Типолитография Б.В. Соломонова, 1900. – 15 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 1416. – Оп. 6. – Д. 820. Наряд корреспонденции, письмам и статьям, напечатанным в газете “Витебский голос”.
6. Отчет Минского православного Николаевского братства за 1866–1867 год. – [Б. м., 1867]. – 21 с.
7. Отчет о деятельности состоящего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Виленского Православного Свято-Духовского братства за 1913 год. – Вильна : Типография “Русский почин”, 1914. – 93 с.
8. Отчет состоящего под Высочайшим Покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Общества ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае за 1871–1872 год. – Вильна : Печатня О.С. Блюмовича, 1872. – 28 с.
9. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. / сост. Ю.И. Кирьянов ; редкол.: В.В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. – М. : РОССПЭН, 1998. – Т. 1 : 1905–1910 гг. – 720 с.
10. **Стефан.** Пастырям Могилёвской церкви Преосвященнейшего Стефана, епископа Могилёвского и Мстиславского. – Могилев : Скоропеч. и литогр. Ш. Фридланда, 1905. – 5 с.
11. **Лебедев, С.В.** Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения / С.В. Лебедев. – М. : Институт русской цивилизации, 2007. – 576 с.
12. **Миловидов, А.И.** К 50-летию возрождения западнорусских братств при гр. М.Н. Муравьёве. (Архивная справка) / сост. А.И. Миловидов. – Вильна : Типография “Русский почин”, 1913. – 28 с.
13. Виленское Свято-Троицкое, впоследствии Свято-Духовское братство. – С.-Петербург : Издание редакции народного журнала “Мирской вестник”, 1876. – 60 с.

14. **Смолич, И.К.** История Русской церкви / И.К. Смолич. – М. : Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – Ч. 1. – 800 с.
15. **Вечорко, Ф.** Священник Слуцкой Островской Свято-Михайловской церкви Василий Мацкевич / Ф. Вечорко. – Минские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. – 1908. – № 6. – 15 марта. – С. 143–150.
16. **Шукшина, Т.А.** “Черносотенные” погромы октября 1905 года в России: культурный конфликт в российском обществе начала XX века : автореф. дис... канд. ист. наук : 07.00.02. / Т.А. Шукшина ; Южно-Уральский гос. ун-т. – Челябинск, 2010. – 25 с.
17. **Міхедзька, В.А.** Беларусь і беларусы ў ідэалогіі і дзейнасці расійскіх чарнасоценных арганізацый ў пачатку XX стагоддзя / В.А. Міхедзька // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины / Учредитель : Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – 2008. – № 4. – С. 26–32.